

КОНСТАНТИН ИЛИЕВ

ФРАНЧЕСКА

(ОКУЛЬТНЫЙ ОПУС)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бабушка Бонка

Стоян Бухчев

Лиляна Бочевска

Петр Джамал

Недка

Цветан Цепов – Цепь

Часть первая

Снаружи вероятно висит вывеска mini-bar, mini-shop или нечто подобное, которое должно придать американский вид данному заведению. То, что видит зритель – это его внутренность: обычная для болгарских деревушек конца двадцатого века сочетание корчмы и продовольственного магазина. Прилавок с машиной для кофе, полка со сверкающими бутылками, в которых вероятно налита сивуха, два-три столика.

1

ПЕТР. Такие вот дела, Неда, врежу я тебя его.

НЕДКА. Петр, ты мешаешь мне считать.

ПЕТР. Считаю, не считай, такие вот дела.

НЕДКА. Заткнись немножко.

Она подсчитывает деньги за прилавком, а он стоит напротив, облокотившись, спиной к двери.

ПЕТР. Врежу я тебя его, нету другого выхода.

НЕДКА. А тебе не приходит в голову, что я скажу Кириллу?

ПЕТР. Да что он мне может сделать твой Кирилл-то?

НЕДКА. И раз тебе никто ничего не может сделать, ты думаешь вынуть свой инструмент и начать всех по порядку?

ПЕТР. Да, думаю.

НЕДКА. Тут недостает десяти левов.

ПЕТР. Сколько?

НЕДКА. Десяти.

ПЕТР. Десятку взял я.

НЕДКА. Верни деньги.

ПЕТР. Деньги возьмешь сама. *(Он вынимает из кармана свитера купюру, оттягивает пальцем ремень брюк вперед, рукой засовывает денюжку внутрь.)* Ну-ка!

НЕДКА. Не могу сообразить, то ли бутылкой тебе врезать, то ли стулом...

ПЕТР. Вчера смотрел парочку по видику. Он сидел на высоком стуле, ну прямо как в баре, а она-таки и вышла к нему как-то снизу, снизу вышла, понимаешь.

НЕДКА. Вот как?

ПЕТР. Вот как!

НЕДКА. Ты лучше в баню сходи. А то от тебя несет как от козла.

ПЕТР. Уж очень ты мне нравишься, Неда.

НЕДКА. Если ты думаешь дать мне эти деньги, то прогадал. Дашь мне другие деньги.

ПЕТР. Деньги я тебе не дам. Деньги возьмешь сама.

НЕДКА. Ну, Петр, если кто-нибудь войдет и увидит как ты чешешься промеж ног, словно у тебя чесотка, что он скажет?

ПЕТР. Скажет, что у меня чесотка. Ну кто придет, дура, все как раз садятся смотреть сериал. *(Смотрит на часы.)* Вот - ровно шесть. Да и какой ветер вышел. Ну кто придет?

2

БАБУШКА БОНКА *(входит)*. Ну чего ты воешь, ветрина, ты этакий! Пропади ты пропадом, чтоб я больше тебя здесь не видела, не слышала! *(Произнося эти слова, делает какие-то заклинательные движения рукой и закрывает за собой дверь.)*

ПЕТР. Чего орешь? На кого это ты так?

БАБУШКА БОНКА. Да на ветра. Ой, ужас я его ненавижу.

ПЕТР. Что он тебе такого сделал, ветер-то?

БАБУШКА БОНКА. А это уж мое дело. *(К Недке.)* Слушай, дай мне кило рису.

НЕДКА *(кладет пакет на прилавок)*. Лев шестьдесят.

БАБУШКА БОНКА. Сколько?

ПЕТР. Лев шестьдесят.

БАБУШКА БОНКА *(достает носовой платок, в котором держит деньги, и неуверенно развязывает его)*. За лев дашь?

НЕДКА. Ну, как тебе взвесить за лев-то?

БАБУШКА БОНКА. Очень дорого, говорю.

ПЕТР. Как это дорого? Как это дорого?

БАБУШКА БОНКА. Дорого, сынок.

ПЕТР. Да какой я тебе сынок! Никакой я тебе не сынок! Надо меньше жрать, раз тебе дорого.

БАБУШКА БОНКА. Да я и не ем-то, совсем.

ПЕТР. Не ешь, говоришь! В Китае, где больше всего рису, знаешь чем едят люди? Палочкой. Сколько зернышек риса может поднять палочкой китаец? Как в таком разе ему наестся? А ты – ложкой!

БАБУШКА БОНКА. Не знаю, сынок.

ПЕТР. Да знаешь, знаешь. Ты все знаешь. Слушай, ты почему сказала, что электрический счетчик у меня дома? Ты что – в дом входила?

БАБУШКА БОНКА. Да не входила, не входила я.

ПЕТР. А че чушь несешь?

БАБУШКА БОНКА. Отнесла я мешок зерна на мельницу обмолоть. А они мне говорят: “Все, бабуль, мельница не работает. Не сможем обмолоть твое зерно”.

ПЕТР. И тогда ты им что - Петр спиздил счетчик.

БАБУШКА БОНКА. Ненастье-то какое, сынок, ненастье. Грохочет, трещит, а дождя нет. Вроде как сейчас. Когда начнет грохотать, со мной всегда такое.

ПЕТР (*к Недке*). Младен с мельницы, говорят, хотел прийти ко мне. Пытался и старосту привести. Жаль, что не пришел, я бы ему надавал. Пидор проклятый! Шмонку будет мне устраивать! Это он мне!

НЕДКА. Ой, бабуля, чуть было большую кашу не заварила.

БАБУШКА БОНКА (*соглашается*). Большую кашу. Да как мне воротиться с необмолотым зерном? Мне поросенка кормить надо.

ПЕТР. И тогда ты им – счетчик у Петра в гараже.

БАБУШКА БОНКА. Да не в гараже. Ты его в сарай запрятал, у твоего дедушки. Под бревнами. Со стороны колодца.

ПЕТР (*остолбенев*). Ну, мать, ты даешь!

(Раскаты грома.)

ПЕТР. Ну, мать...!

БАБУШКА БОНКА. А эти десять левов, че у тебя в штанах? Че не сунешь эти десять левов в карман, а держишь в штанах?

НЕДКА. Баба Бонка!

БАБУШКА БОНКА. А эти деньги, кажись, твои, Недка.

ПЕТР (*идет к двери*). Эта кикимора подглядывала. (*Осматривает дверь или окно. Стоя спиной к двум женщинам, вынимает деньги из брюк и кладет в карман.*) Ты откуда смотрела?

БАБУШКА БОНКА. И без того ты, Петр, там стоишь, а ну, глянь – машина прикатила?

ПЕТР. Какая машина?

БАБУШКА БОНКА. Что, не видать ее?

ПЕТР. А что мне видеть-то? Ветер и пылице. Генко Дуралей бежит через площадь, ветер валит его с ног. Вот – он тоже скрылся.

БАБУШКА БОНКА. Чего это они от меня хотят, почему так спешат? Вертятся около дома на легковушке. Мужчина и женщина.

ПЕТР. Это у тебя в голове вертится. Забирай свой рис и уходи.

НЕДКА. Правда, что ты стала экстрасенсом после того, как помер твой ослик?

БАБУШКА БОНКА. Плохо, Недка, очень плохо без осла. Вот, дрова теперь не на чем возить. Очень плохо.

НЕДКА. Будто бы ты начала разговаривать с умершими.

БАБУШКА БОНКА. Упаси Бог. Дай мне тогда кило. И одну лампочку дай.

НЕДКА. Какую лампочку тебе дать?

БАБУШКА БОНКА. Чтобы не слишком ярко горела.

ПЕТР. Признавайся, кто тебе сказал про счетчик. Будто я его взял. Признавайся. А то как получается – что бы не пропало в этой деревне – так все Петр виноват.

БАБУШКА БОНКА. Ой, зажглась. *(В момент, когда она взяла из рук Недки картонную коробку с лампочкой, лампочка внутри ярко загорелась.)*

НЕДКА. Что случилось? Что такое?

БАБУШКА БОНКА. Иногда так бывает. Без провода.

ПЕТР. Че без провода? *(Выдергивает лампочку у нее из рук. Лампочка сразу погасает.)* Еб, твою мать! *(Пытается вернуть лампочку бабушке Бонке.)*

БАБУШКА БОНКА *(пятитя. Недке.)* Давай другую. Эта, кажись, испорчена.

ПЕТР. Ты что мне, налила, Неда? Я напился после первой стопки.

БАБУШКА БОНКА. Не впускай их, Петр! Не впускай их сюда.

ПЕТР. Кого это?

БАБУШКА БОНКА. Мужчину и женщину. Не давай им войти.

Раскат грома.

БАБУШКА БОНКА. Вот она! Идет.

3

На пороге появляется женщина лет сорока. Она на секунду бросает взгляд на присутствующих, потом поворачивается и начинает трястись от смеха.

ЖЕНЩИНА. Держи!.. Теперь!... Давай опять!... Держи!..

(Прикрывает дверь.) Здравствуй, бабушка Бонка!

БАБУШКА БОНКА. А он?

ЖЕНЩИНА. Гонится за шляпой.

БАБУШКА БОНКА. Ну, я пошла.

ЖЕНЩИНА. Не получится.

(На пороге появляется мужчина лет сорока. Он вытряхивает шляпу о колено.)

МУЖЧИНА. Ну и гроза!

ПЕТР. Эти старые тополя могут такое натворить. Осенью одна упала на “Москвич”, в лепешку размазала.

ЖЕНЩИНА. Иди убери машину.

МУЖЧИНА. Сама иди. *(Садится.)*

ЖЕНЩИНА (*бабушке Бонке.*) Не сможешь добраться до дому. Тебя ветром унесет.

БАБУШКА БОНКА. Ну и ветер. Чего же он от меня хочет?

ЖЕНЩИНА (*указывает на мужчину.*) Узнаешь?

БАБУШКА БОНКА. Не узнаю. А ты-то кто?

ЖЕНЩИНА. Ну, ну. Ты же за мной гонялась. С палкой в руках. Из-за слив.

МУЖЧИНА. Стояна Бухчева помнишь? Через дом от вашего жил.

БАБУШКА БОНКА. Стоян?

МУЖЧИНА. Бухчев. Стоян Бухчев. Заядлый охотник.

БАБУШКА БОНКА. Тот самый, который был старостой?

МУЖЧИНА. И такое было.

БАБУШКА БОНКА. Так это давным-давно.

МУЖЧИНА. Я его внук.

БАБУШКА БОНКА. Так значит.

ЖЕНЩИНА. Палкой по попке.

БАБУШКА БОНКА. Да не в сливах-то дело, Лилянка. Вы же мне сетку рвали. Порвете сетку и куры – айда через дыру. Ты ведь Лиляночка. Дочь Бочо.

НЕДКА. Ты что, телевизор не смотришь? Ее каждый вечер показывают.

ЖЕНЩИНА. Ну, не каждый вечер. Целый год как не показывали.

(Молния и раскат грома.)

4

БАБУШКА БОНКА (*садится на стул.*) Чего вам надобно?

ЛИЛЯНА. Резать не будем.

БУХЧЕВ. Это пока неизвестно.

ПЕТР. Продай людям участок, дура. Зачем он тебе дался.

НЕДКА. В этой деревне всегда все все знают. Вы хотите купить ее участок на Чумном, а она его не дает.

ПЕТР. Да не они будут покупать. Цепь его купит. Только ему нужны три участка, два не в дело. А ейный как раз по середине. Дура! Ну что с нее возьмешь!

ЛИЛЯНА. Какой у вас кофе?

НЕДКА. Какой закажете.

ЛИЛЯНА. Бухчев, будешь?

БУХЧЕВ. Буду.

ЛИЛЯНА. Тогда два.

БУХЧЕВ. И для бабушки Бонки тоже.

НЕДКА. Она будет лимонад. А может быть, кофе, баба Бонка?

БАБУШКА БОНКА. Не хочу.

ПЕТР. Дура! Цепь захочет – пол-Болгарии купит. На деньги, что он тебе даст, грузовик риса купишь. Рису будет! Обожрешься, обосрешься. А не то, чтоб торговаться здесь из-за какой-то горсти.

ЛИЛЯНА. А вы, собственно, кто? Я вас не знаю.

ПЕТР. Цепи я друг.

ЛИЛЯНА. Да ну!

БУХЧЕВ (*иронично*). Повезло же!

НЕДКА. Да не слушайте вы его.

ПЕТР. Почему это? Почему это? С Цепью я был в Австралии. В Сиднее! Ты даже не знаешь, что такое существует!

НЕДКА. Ну, раз такой вумный, на кой черт ему эти участки? Зачем ему их покупать?

ПЕТР. Че тебе, что ли, сказать?

НЕДКА. А ты знаешь?

ПЕТР. Ну, знаю.

НЕДКА. Все, хватит. *(Подает кофе.)* Сахару кладите сколько хотите.

ПЕТР. Слышь, свари мне кофе тоже. А то, что на Чумном сходятся два шоссе? И город в четырех километрах отсюда? Это тебе ничего не говорит?

НЕДКА. Вот тебе, Баба Бонка, твой лимонад.

БАБУШКА БОНКА. Ты, Лиляночка, пришла сюда из-за нужника, не правда ли?

ЛИЛЯНА. Какой нужник?

БАБУШКА БОНКА. Сестра твоя сказала мне, что у вас яма нужника переполнилась. Так приехал какой-то мужик с этим, ну как его, ну, грузовик, что-ли, чем чистят это самое, да вот шланг не дошел.

БУХЧЕВ. Да что она такое несет?

ЛИЛЯНА. Я же говорила тебе, что сестра живет в старом доме.

Приезжает сюда время от времени летом.

БАБУШКА БОНКА. Нужно, говорит, чтоб машина въехала в твой огород, а то шланг короткий, не доходит дотудова. С твоего двора легче будет.

ПЕТР. Говновоз, она про говновоз говорит. Не пустила во двор *(показывает на бабушку Бонку)*, мужик разозлился, завел мотор и укатил.

БУХЧЕВ *(с нетерпением смотрит на часы)*. Слушайте, мы будем делом заниматься, или нет?

ЛИЛЯНА. Баба Бонка, ты что? Почему не разрешила сестре выгрести уборную?

БАБУШКА БОНКА. Радой не дал.

ЛИЛЯНА. Кто?

БАБУШКА БОНКА. Радой. Мужик мой.

ЛИЛЯНА. Так значит.

ПЕТР. Он же помер давным-давно.

БАБУШКА БОНКА. Помер, да не дает.

НЕДКА. Вот и началось.

ПЕТР. А ну-ка, дай лампочку.

НЕДКА. Недавно лампочка загорелась у нее в руках.

БАБУШКА БОНКА. Очень мне тяжело, слышь, очень тяжело. Когда начнет так греметь и трещать, очень тяжело мне. Петр, иди глянь, пошел дождь, али нет еще.

ПЕТР. Нету дождя.

БАБУШКА БОНКА. Когда я одна, самое большее – Радой придет, а так, иногда столько народу собирается... (*Бухчеву*). Позвони, позвони, тебе говорят, Доре – секретарше.

БУХЧЕВ. Кому позвонить?

БАБУШКА БОНКА. Дедушка твой Стоян боится, что можешь службу потерять. Министр, мол, сказал, что без дела шляешься. А то, что ты написал для англичан, он под стол бросил. Позвони Доре.

5

(Бухчев достает мобильник. Начинает набирать номер.)

БАБУШКА БОНКА (*не глядя ни на кого из присутствующих*). Ты чего босиком ходишь, Стоян? Надел пальто, галстук и рубашку, а босой. Чего так, а?

БУХЧЕВ (*в мобильник*). Дора?... Стоян Бухчев у телефона.

Господин Николов на месте?... Да что ему кричать-то? Я же сказал, что конференция длится два дня... Это ты звонила мне в деревню Листница?... А кто? Меня кто-то спрашивал... Мне говорят: Дора.

Дора, секретарша... Почему в гостинице?... Нет, я в Листнице. С Лиляной Бочевской, журналисткой. Мы заскочили сюда на пятнадцать минут по одному вопросу... Что там с моим докладом об английской оферте?... Так значит... Я ему позвоню. (*Опускает мобильник.*) Что здесь происходит?

ЛИЛЯНА (*которая пристально следила до сих пор за бабушкой Бонкой*). Ты откуда знаешь, что его спрашивала секретарша?

БАБУШКА БОНКА. Стоян. Стоян Бухчев пришел и сказал мне. Дедушка его.

ЛИЛЯНА. Тот самый, от которого ты отрекся, Бухчев?

БУХЧЕВ. Глупости.

ЛИЛЯНА. Так она говорит – дед твой, Стоян.

БУХЧЕВ. Моего деда убили здесь пятьдесят лет тому назад.

НЕДКА. Баба Бонка, ты что людей разыгрываешь?

ПЕТР. Старая дура.

ЛИЛЯНА. Так значит правда то, о чем мне сестра говорила? Будто ты начала, ну... с умершими?

БАБУШКА БОНКА. И с умершими, и с живыми. Плохо, все плохо.

НЕДКА. Все началось с осла. Расскажи про осла.

ЛИЛЯНА. С какого осла?

(Раскаты грома.)

6

БАБУШКА БОНКА. То было недавно, Лиляночка. Осенью.

Нагрузила я осла тыквами. Идем мимо Монастырского родничка.

Громыхает. Раскаты и молнии, как сейчас. А я, дура, мотыгу не

спрятала, а она же железная. С малых лет учили, где железо – там и

молния. Ну как назло, не сообразила я. Иду и погоняю осла. Как раз у родничка. А там вода хорошая, постой, думаю, наполню я себе бутылку, а то в нашу сельскую все время подсыпают чего-то, ну, очищают, и пахнет погано. Мотыга перед ослом, а я воду в бутылку наливаю. И вот те на. Говорят, на меня молния упала. А я ни грома помню, ни молнии. Сперва пришла какая-то женщина. Красавица – я такую в жизни не видала. Молодая, красивая... Я, говорит, Франческа.

ЛИЛЯНА. Чего, чего говорит?

БАБУШКА БОНКА. Франческа. Итальянка я, говорит, но и болгарка. Я пришла сюда разыскать моего дядю. Мой дядя в этих местах затерялся.

ПЕТР. Неда, слышь, налей, налей мне, а то зло берет.

НЕДКА. Отстань. Ну и что, что дальше, баба Бонка?

БУХЧЕВ (*смотрит на часы*). Николов хочет, чтобы я вернулся в Софию.

ЛИЛЯНА. Ну, и что ты будешь делать-то сейчас в Софии? Тебе это здесь не интересно?

БУХЧЕВ. Очень интересно. “Бабушка разговаривает с привидениями”. Ну как тебе заголовок?

ЛИЛЯНА. Да, спасибо за идею.

БУХЧЕВ. А дальше что? Что случилось с ослом?

БАБУШКА БОНКА. Помер осел.

ЛИЛЯНА. Так. А Франческа?

БАБУШКА БОНКА. Пришли другие. Много народу.

БУХЧЕВ. Итальянцы?

БАБУШКА БОНКА. Да всякие. С какими-то длинными бородами. Я думаю - монахи, точно, монахи, одежда у них черная, как у монахов, свечи горят. Ой, монахов-то... Из монастыря, наверно.

ПЕТР. Какой монастырь, дура? (*Бухчеву и Лиляне.*) Называют это место Монастырским родничком, а монастыря-то там нету.

НЕДКА. Нету, но был. Слышала я, был.

ЛИЛЯНА. Ты давай рассказывай, баба Бонка.

БАБУШКА БОНКА. И как распищались эти люди. Пищат и плачут. Пищат и плачут. Сердце разрывается

БУХЧЕВ. Монахи, что ли?

БАБУШКА БОНКА. Да все. Женщины, детки. И пожилые. Монахи больше всего. Пищат!

НЕДКА. Почему пищат?

БАБУШКА БОНКА. Огонь, я вам говорю. Большое пламя к небу. А вокруг них другие люди на конях. И не пускают их выйти. Одни снаружи, другие – внутри. Пищат и плачут.

ЛИЛЯНА. А одежда? В чем они были?

БАБУШКА БОНКА. Одежа - как в старину.

ЛИЛЯНА. В семнадцатом веке, в тысяча шестьсот каком-то году здесь был монастырь. Его сожгли кырджалии.

БАБУШКА БОНКА. Опять они! Смотри, опять идут.

ПЕТР. Ты о ком?

БУХЧЕВ. Небось кырджалии?

(Старуха сидит с широко раскрытыми глазами, не глядя ни на кого.)

БУХЧЕВ. Может, итальянка?

ЛИЛЯНА. Эта, ну, Франческа, она явилась тебе у родничка?

БАБУШКА БОНКА. Родничок завален голыми людьми. Голыми и окровавленными.

(Звонит мобильник.)

БУХЧЕВ (*подносит телефон к уху*). Да... Это мы. Мы здесь...

(*Лиляне.*) Цепь!

ПЕТР. Мать твою!

БУХЧЕВ. С нашей стороны все в порядке. Бабуля здесь. Сейчас разговариваем... Какая-то дыра в конце деревни... (*Недке.*) Как называется это место?

НЕДКА. Да никак. Написано “мини-бар”.

БУХЧЕВ. Написано “мини-бар”. В конце деревни. Есть что-то вроде площади... Увидите машину. Мерседес. Черный... С нашей стороны... Не наша вина... Хорошо. (*Убирает мобильник.*) Едет.

ЛИЛЯНА. Где он?

БУХЧЕВ. На бензоколонке. Через две минуты будет.

ЛИЛЯНА. Ну бабуся, говори.

БАБУШКА БОНКА. О нужнике, что-ли?

ЛИЛЯНА. Черт с ним, с нужником. Человеку нужен участок. А тебе он зачем? У тебя и двор, и дом. Ну, зачем?

БАБУШКА БОНКА. Участок мой очень хороший.

БУХЧЕВ. Деньги получишь.

НЕДКА. Да у тебя, бабушка, там ничего не засеяно, на участке-то этом. Никто его не обрабатывает.

БАБУШКА БОНКА. Неправда! У меня на этом участке лук растет. Очень хороший лук у меня там.

ПЕТР (*тихо, к Бухчеву и Лиляне*). Не стоит тратить время. (*Кричит.*) Какой лук, дура? Лук! Цепь пошлет два эскаватора и разнесет все к чертовой матери. Лук! В двухстах километрах отсюда менты перед ним рта бояться раскрыть. А она – лук!

БУХЧЕВ (*Недке*). Нет ли у нее сыновей, дочерей? С ними бы поговорить.

НЕДКА. Померла у нее дочь.

ЛИЛЯНА. Знала я одного Радослава. В детстве вместе играли.

НЕДКА. Радослав уехал куда-то. Внук ее. То ли в Канаду...

ПЕТР. Лук!

БУХЧЕВ. (Лилиане). Ну, что будем делать сейчас?

ЛИЛЯНА. Да пошел он...

БУХЧЕВ. Как это “да пошел он”?

ЛИЛЯНА. Так – да пошел он.

БУХЧЕВ. Ну как это “да пошел он”!

ЛИЛЯНА. По-твоему, сколько он даст тебе? Две шины не сможешь купить.

БУХЧЕВ. Ну, у меня нет трехкомнатной квартиры после национализации и трехкомнатной квартиры после реституции. И два склада. Я начал с одной комнатки.

ЛИЛЯНА. Но теперь не в комнатке живешь, правда? Теперь живешь не в комнатке. И я сто раз тебе говорила, что квартиру не получили после национализации.

БУХЧЕВ. Твой отец однажды спросил меня, не приходил ли старый владелец. Аж на чердак забрался, чтобы узнать.

ЛИЛЯНА. Мой отец разговаривал с тобой?

БУХЧЕВ. Два раза. Раз – до пощечины, другой – после пощечины.

ЛИЛЯНА. Хватит с этой пощечиной! О чем ты разговаривал с отцом?

БУХЧЕВ. Это он говорил. Мне не позволил вставить и слова.

ЛИЛЯНА. А ты почему не говорил мне до сих пор?

БУХЧЕВ. Зачем тебе говорить?

ЛИЛЯНА. Пощечина не имеет ничего общего с политикой, ты это очень хорошо знаешь.

БУХЧЕВ. Ты так думаешь?

ЛИЛЯНА. Он увидел нас с балкона.

БУХЧЕВ. Если бы он увидел тебя не со мной, а с кем-то другим, он бы тебя не ударил.

ЛИЛЯНА. Давай не будем перемывать косточки своих отцов!

НЕДКА. Ну что ты наделала, баба Бонка? Люди поссорились из-за тебя.

БАБУШКА БОНКА (*встает*). Ну, я пошла.

8

(На пороге появляется Цепь. Берет ближайший стул, достает мобильник, начинает набирать номер. Потом, вспомнив, что-то поднимается, молча протягивает руку сначала Лиляне, потом Бухчеву, снова садится набирает номер.)

ЛИЛЯНА. Садись, бабушка.

ЦЕПЬ (*в мобильник*). Ну, как дела?... Кто у их ворот?... Я же тебе сказал... А поле?... Погода здесь дерьмовая – гремит, трещит. Если пенальти – звони сразу... Она?

НЕДКА. Садись, садись, баба Бонка.

ЦЕПЬ. У меня юристов десять человек мудозвонов. Сейчас идет очень важный футбольный матч. А я в эту дерьмовую погоду пошел базариться как последний лох! Сумму, бабуля!

БУХЧЕВ. Бабуля не в форме. На данный момент.

ЦЕПЬ. Так. Проект готов, все по плану, только бабуля не в форме.

БУХЧЕВ. Мы уговорим бабулю.

ЦЕПЬ. Я тоже не в форме. Значит дело – труба. *(Петру.)*

Ну что, Пломбир, Чего распустил нюни?

ПЕТР *(кивает в сторону площади)*. Другой, красный, лучше был.

ЦЕПЬ. Чего, чего?

ПЕТР. Джипон. Красный. Был лучше этого.

ЦЕПЬ. И когда ты стал разбираться в этих делах? *(Резко; бабушке Бонке.)* Называй цену, бабуля! Цену называй!

ПЕТР. Не уговорить тебе ее.

ЦЕПЬ *(Лиляне)*. В чем дело? Склероз?

БУХЧЕВ. Я улажу дело.

ЛИЛЯНА. Бухчев не здешний. Я ее знаю. Я все улажу.

ЦЕПЬ *(смотрит на часы)*. У меня встреча в Охотничьей хижине. Я должен быть там через двадцать минут. Если что – звоните по мобильнику.

9

БАБУШКА БОНКА. Не ходи в Охотничью хижину, сынок. Он не придет. Не стоит ходить.

ЦЕПЬ. Кто не придет?

БАБУШКА БОНКА. Не знаю почему все этот нужник у меня в голове вертиться. Будет что-то с этим нужником.

ЦЕПЬ. Что будет?

ПЕТР. И про нужник врет. Ты почему идешь срать в соседский нужник, а потом не даешь людям его выгрести.

БАБУШКА БОНКА. Хватит чушь нести.

ПЕТР. В натуре, говорю. Я ее видел. Потому что ее нужник далеко – аж в овраге, а этот у забора. Стоит открыть дверцу и айда – в чужой нужник.

БАБУШКА БОНКА. Зачем так, Петр?

ПЕТР. Ты возьмешь да упадешь туда, упадешь, говорю. Потому что нужник старый, доски прогнившие, их не меняли наверное пятьдесят лет. Пойдешь срать и провалишься.

ЦЕПЬ. Заткнись, отморозок.

ЛИЛЯНА. Мы уладим дело с бабулей.

ЦЕПЬ. Знаешь, почему у него прозвище Пломбир? Петр Пломбир.

ПЕТР. Скажи лучше, что мы будем строить на Чумном? Я говорю – мотель. Но большой. С дискотекой.

ЦЕПЬ. Повел я их, понимаешь, в Сидней. Турнир по вольной борьбе. В каком году это было, Пломбир?

ПЕТР. В восемьдесят... *(Пытается вспомнить.)*

ЦЕПЬ. Каком-то. Не имеет значения. Десять человек спортсменов. Он тогда подавал какие-то надежды. Еще не запивал.

ПЕТР. Я тогда выступал сильнее всех.

ЦЕПЬ. Не брешь. Десять человек спортсменов, тренер, врач, всякие сопровождающие мудозвоны – все как положено. Государство тогда давало много денег. Руководитель – я.

ПЕТР. В восемьдесят третьем.

ЦЕПЬ. Неважно. Садимся, понимаешь, в Мюнхене и ждем следующий самолет. Летим в Сидней. Через какое-то время приходит вот этот – весь красный, вытаращил во-о-от такие глаза и говорит: “Знаешь, что здесь все дармовое.” “Что значит дармовое, балбес?” “Да так, говорит, можешь жрать сколько угодно и все без денег.” А тогда немцы в мюнхенском аэропорту придумали такой порядок: берешь, понимаешь, полиэтиленовый пакетик и кладешь, чего хочешь. Бананы кладешь, сладости всякие, кока-колу, пиво и с этим пакетиком садишься в самолет. А эти, мои кретины, пока я соображу, напичкали весь личный багаж. Там написано “пломбир”,

но из них никто ни гу-гу по-немецки. Так давай, пихай в спортивные сумки. Мало того, что наполнили пакеты, а тут еще и сумки. Да как растаял этот пломбир... Самолет поднялся, настроение – тоже, а пломбир – рекой!

ПЕТР. А стюардессы только вертят попками.

ЦЕПЬ. Стюардессы бегают как угорелые. Не успевают почистить. А этот, от страха, что его могут остановить, еще внизу, в аэропорту, взял да слопал... сколько пломбиру слопал, дурак?

ПЕТР. А я что, считал, что ли?

ЦЕПЬ. Скушал десять штук.

ПЕТР. Правильно.

ЦЕПЬ. И обосрался. И тренер его отстранил от турнира.

ПЕТР. Я мог бороться. Но потерял много весу из-за поноса. Я мог бороться.

ЦЕПЬ. Я мог... Будто я отвез тебя аж в Австралию, чтобы ты обосрал ковер. Пей теперь сивуху по кабакам.

БАБУШКА БОНКА. Один – ноль.

ЦЕПЬ. Чего?

БАБУШКА БОНКА. Футбол. Один – ноль.

ЦЕПЬ (*достаёт мобильник, хочет нажать клавишу, но в этот момент мобильник звонит*). Але... Кто?... Как это случилось?..

Флажка небыло?... Я его сгною!.. Я всех троих сгною... Ничью...

Через пять-десять минут чтобы была ничья, а то они у меня запляшут. Все трое... Отойди. Отойди в сторонку, раз не можешь оттуда говорить... Я буду в машине... Перезвони через пару минут.
(*Идет к двери.*)

НЕДКА. Дождь пошел, господин Цепов, как из ведра, одежда промокает.

ПЕТР. Ну-ка, дай! У тебя же зонт, дура! Дай зонт!

ЦЕПЬ (*не доходя до двери резко останавливается и поворачивается назад*). Кто сказал “один – ноль”?

ЛИЛЯНА. Баба Бонка. Она много чего знает.

БУХЧЕВ. Ну и что теперь? Будем дело делать?

ЦЕПЬ (*не спуская глаз с бабушки Бонки*). И что она знает?

БАБУШКА БОНКА. Не ходи туда, сынок, не ходи туда. Брось это дело. Погубил он себя, этот турок. Помер турок.

ПЕТР. Ну, началось!

БУХЧЕВ. (Лилиане). Вставай, садимся в машину и уезжаем.

ЛИЛЯНА. Бухчев, прошу тебя, лучше помолчи.

БАБУШКА БОНКА (*к Цети*). Как-то странно смотришь на меня, сынок, и я не знаю, почему смотришь так на меня. Молод еще, красив, а меня какой-то страх берет, не пойму ... Что-то будет... Про пару дел думаешь сейчас, но и мячей уже тоже пара – вот... (*Указывает на карман Цети*). Два – ноль.

(*Мобильник в кармане цепи звонит.*)

ЦЕПЬ (*прикладывает его к уху*). Да!... (*В сердцах швыряет аппарат на пол. Идет к двери, останавливается, возвращается, поднимает его и снова бросает.*) У кого мобила? (*После того, как Бухчев ошалело протягивает ему свой аппарат, набирает номер.*) Обезьяна! Цепь у телефона... Мне сказали про второй мяч... Замолчи!.. Во время перерыва оттянешь его в сторонку и скажешь - ничья... Ничья или победа!... Ничья!... Иначе танкер не выйдет из Одессы. Даже дырявая цистерна не подъедет к границе... Не надо объяснений!... Не надо объяснений!... Мать вашу!... (*Идет к двери.*)

БУХЧЕВ. Господин Цепов, мой телефон, если позволите.

(Подает Цепову его собственный мобильник, тот нервно кладет чужой на близкий столик. Выходит.)

11

(У входа в помещение. Петр держит раскрытый зонт. Под зонтом Цепь яростно курит сигарету...)

ПЕТР. Цецо!

ЦЕПЬ. Я тебе не Цецо!

ПЕТР. Цепь!

ЦЕПЬ. Я тебе не Цепь!

ПЕТР. Господин Цепов!

ЦЕПЬ. Что за бабуля?

ПЕТР. Кто? Баба Бонка? Да она не в своем уме, Цепь.

ЦЕПЬ *(курит)*.

ПЕТР. Давай уладим дело.

ЦЕПЬ. Какое дело?

ПЕТР. Возьми меня опять к себе.

ЦЕПЬ. Тебя?

ПЕТР. Хоть шестеркой. На все согласен. Буду очень аккуратным, больше пить не буду... Я тогда выпил только стакан виски. Разве можно из-за стакана...

ЦЕПЬ. Линяй отсюда!... Ублюдок! *(Смотрит на часы, достает ключи и быстрыми шагами идет сквозь дождь к машине.)*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Внутри заведения.

1

ЛИЛЯНА. Ты представляешь, о каких деньгах идет речь, чтобы он позволил себе говорить все это при нас?

БУХЧЕВ (*молчит*).

ЛИЛЯНА. Для него мы, наверное, только пустое место. Ладно я, но ты?

БУХЧЕВ. Что я?

ЛИЛЯНА. У тебя на столе сто телефонов. Секретарши. Пустое место!

БУХЧЕВ. Ты же четвертая власть. Почему тебя не боится?

ЛИЛЯНА. Как он будет бояться четвертой власти, раз не боится первой?

БУХЧЕВ. Кто дал всем этим ублюдкам шикарные автомобили и сделал их миллионерами в два счета?

ЛИЛЯНА. Я. Это я сделала их миллионерами.

БУХЧЕВ. Это твой отец двадцать лет все по посольствам шатался.

ЛИЛЯНА. Мой отец умер двадцать лет тому назад. Эти глупости, что мы себе говорим каждый день, мы можем говорить себе и завтра. Правда?

БУХЧЕВ. Этот кретин упомянул какую-нибудь сумму, когда вы разговаривали по телефону?

ЛИЛЯНА. Нет. Сказал только, что не будет торговаться.

БУХЧЕВ. Очень хорошо. Пусть думает, что покупая этот дерьмовый участок, покупает и меня.

ЛИЛЯНА (*иронично*). Ах, вот как?

2

БАБУШКА БОНКА. Радой велел, чтоб я сказала про сапоги.

ЛИЛЯНА. Что ты говоришь?

БАБУШКА БОНКА. Радой. Мужик мой. Чтоб я сказала про сапоги.

ЛИЛЯНА. Какие еще сапоги?

БАБУШКА БОНКА. Они пришли, все трое. И Радой, и Стоян, и Бочо.

ЛИЛЯНА. Какой Бочо?

БАБУШКА БОНКА. Ну, что тебе нужно Радой? Чего раскричался? Чтоб тебе было неладно!

БУХЧЕВ. Сеанс продолжается. (*Смотрит на часы.*)

ЛИЛЯНА. Если хочешь, садись в машину и поезжай.

Это меня интересует.

БУХЧЕВ. Меня тоже.

ЛИЛЯНА (*бабушке Бонке*). Какой Бочо?

БАБУШКА БОНКА. Чего, Лиляна?

ЛИЛЯНА. Ты сказала Бочо? Какой Бочо?

БАБУШКА БОНКА. Отец твой.

ЛИЛЯНА. Ты видишь его?

БАБУШКА БОНКА. Чего глаза вытаращил, а, Бочо, чего ерепенишься? Глянь. Лиляночка, дочка твоя, пришла. Наговорила мне всякую чушь – чтоб я участок городским продала. Почему вы так? Ездили туда-сюда по всяким государствам и наконец – опять сюда приехали. Тебя ведь в Софии похоронили, чего тебе здесь надобно? Или пришел сюда вокруг Ганки покрутиться? Да почему тогда Ганку бросил из-за этой крашеной хохлатки, что себе брови

выщипывала? Ганка простая, говоришь, негоже было с ней по другим государствам выпендриваться. Я ведь тоже простая, а приходил ты вместе с Радоем каждый вечер петь у меня под окном. Ну, Радой, он хоть пел хорошо, а ты, Бочо, тебе медведь на ухо наступил. Уходи теперь, уходи к своей софиянке!

БУХЧЕВ. Ты что-нибудь понимаешь?

ЛИЛЯНА. Понимаю. Софиянка, которая выщипывала себе брови – это моя мама.

БУХЧЕВ. Думаю, я понял ее номер. Она просто...

ЛИЛЯНА. Замолчи, пожалуйста.

3

БАБУШКА БОНКА. Почему так невзлюбились с Радоем? Вы же дружили. Он плотник, и ты плотник. В одной мастерской. Почему так невзлюбили друг друга?

Неправда, говоришь? Невзлюбил ты его, невзлюбил. Радой хоть не скрывает.

Скажи, Радой, почему не дал мне пропустить машину, как его дочка просила, чтоб им нужник выгребли? Почему не позволил? Потому что и ты злюка невиданный. Пялишь сейчас на меня этот слепой глаз, что, есть меня собираешься?

Почему вы такими стариками пришли? Бывает, иногда приходите молодые, красивые, а теперь – дряхлые, уродливые. У Бочо нога окаменела, на трость упирается, а ты, Радой – и стар, и слеп.

Чтоб ей неладно было, этой молнии, что у меня башку повредила и не знаю теперь то ли день, то ли ночь. Вот – опять по небу шастает. Чтоб ей неладно было!

Какие вечеринки были в клубе, какие были собрания. Равенство, говорят, будет – и равными все будем, и всем жить хорошо. Равенство, равенство – Радой в шахте, а ты в легковушке.

Не был он неучем, совсем не был неучем. Молчи, Бочо, я помню. Когда учитель давал нам задачу, Радой первым ее решал. Решит и поднимет руку, а ты только погодя.

Что Девятое сентября? Когда старая власть пала, на митинге Радой говорил. Тебя же вообще в деревне не было.

Знаю, что был в тюрьме, как же мне не знать. А ты разве не помнишь про фуфайку? Радой велел мне связать тебе фуфайку и мы с Ганкой тебе ее в Плевен принесли. Меня к тебе не впустили, я в кондитерской ждала, а Ганка вернулась с фуфайкой. Надзиратель, или кто другой, не позволил тебе ее передать, но ты обрадовался. Фуфайке этой.

О Ганке плохого слова не говори. О Ганке, Бочо, молчать будешь.

Как ты брал власть в Плевене, не знаю, но власть здесь Радой захватил. Хотя никакой-то власти и не было, чтоб ее захватывать. С Дуная прут русские, все полицейские, все агенты попрятались, участок заперт, дверь общины отперта. Туда вошел Радой с двумя - тремя парнями, сельский сторож дал им ружья, да старосту не нашли. Стояна, старосты, нету. Его сапоги у стола, хорошие у него были сапоги, а по радио играет музыка. Сапогам. Давай теперь к Стояну. Ни тут, ни там - нету Стояна, а он в амбаре скрылся. Стоян, ты арестован. Слышь, Радой, ты же сто раз мне это рассказывал.

И про сапоги скажу.

Стоян только-только был здесь. Постоял, постоял, да исчез. Не знаю как это то приходите, то опять уходите. Пришел внука повидать, вот внук сидит, а Стояна уже нету.

ЛИЛЯНА. Бухчев, это про тебя.

БУХЧЕВ. Я хочу у нее что-то спросить.

ЛИЛЯНА. Подожди. Я тоже хочу спросить.

БАБУШКА БОНКА. Скажу и про жеребца. Жеребец был такой - общинный. Бончо звали. Что ни кобыла - всегда к Бончо водили, потому что волос у него блестел, а то дело у него – грех показать! Когда приходили за водой с котлами, как завидим – всегда шаг сбавим. Конь что надо! Мужики из соседних деревень – и те своих кобылок водили. А кобыла, как увидит его, аж задрожит. Бончо, ну и Бончо. Конь, говорю вам. Хорошо, да вот пришли русские. Деревня наполнилась русскими. И грузовики, и пушки. Затем вдруг давай уходить – хорошо, но на Бончо глаз положили. Оставили нам одну русскую лошадь, а Бончо - с собой в Плевен. Ну а Радой как вскочит! Смотрю – запрягает двуколку. Радой, кричу ему, ты ошалел, что ли, тебя же убьют в Плевене. Потом гляжу – возвращается. Бончо трусит за двуколкой. Он им в Плевене так сказал: у этого народа все воровали. Раз и вы воруете, ебал я это братство, ебал я это равенство. Ихний, то ли капитан, то ли майор, наругал своих людей и сказал так: конь ваш, берите обратно. Но раз ты большевик, возьмешь, значит, эту книгу, книга моя, но ты возьми книгу и выучи ее наизусть, потому что ее Сталин написал. Радой дома смеется: Эту книгу, Бонка, прочитать нельзя. На корочке написано “краткий курс”, краткий он краткий, да длинный. Я по ихнему не умею, да ты глянь, на этого русского, как мучался бедолага. Зачеркивал, подчеркивал. Все, понимаешь, подчеркнуто, будто все важно. Да и ты, Радой. И ты пытался читать.

БУХЧЕВ. Бабушка!

ЛИЛЯНА. Подожди.

БУХЧЕВ. Эта двуколка...

ЛИЛЯНА. Подожди немножко.

БУХЧЕВ. Чья эта двуколка?

БАБУШКА БОНКА. Куда подевались, проклятые. Вот здесь были – нету их теперь. Ни Бочо, ни Радоя. Нету их.

ЛИЛЯНА. Что ты хотел у нее спросить?

БУХЧЕВ. Мое дело.

ЛИЛЯНА. Какую двуколку думаешь найти через пятьдесят лет? Кто твою двуколку сохранять будет?

БУХЧЕВ. Меня двуколка не интересует.

НЕДКА (*которая до сих пор только молчаливо слушала за прилавком*). Если о золоте – она такое не говорит. Мужик из соседней деревни приходил, у него золото дедом спрятанное, она ему не сказала. Прогнала его.

ЛИЛЯНА. Твой дед был богатым?

БУХЧЕВ. Конечно, богатым был.

ЛИЛЯНА. Спроси, что случилось с ним в сентябре сорок четвертого. Говорят, он без вести пропал.

БУХЧЕВ. Это ты у нее спроси про Девятое сентября. Меня твое Девятое сентября не интересует.

НЕДКА. Если хочешь, мы обе пойдем в другую комнату. Ему она может сказать. Про золото. Если что-то где-то спрятано.

БАБУШКА БОНКА. Ты про золото забудь, нету золота, да ты лучше послушай, сынок, что я тебе поведаю. Старосту, твоего деда Стояна, Жечо сгубил.

БУХЧЕВ. Кто?

БАБУШКА БОНКА. Жечо.

НЕДКА. Жечо. Я тоже про это слышала.

БАБУШКА БОНКА. Стоян ходил в галифе. Штаны такие широкие, галифе. И с тростью. Молод еще был, но мода такая пошла. С

тростью. Придет в общину, посидит, да возьмет ружье. На зайца. Была в деревне у нас такая Василка. Постоялый двор держала, за холмом. Ой, и Василка же, такие гулянки устраивала. Как соберутся наши охотники, да из города... И с двух соседних деревень тоже. Как начнет ухать из кухни. Заячьим, лавровым листом. И пальба, и патефон. Возвращается кто-нибудь с поля домой. Весь день спины не разгибал. Как увидит этих гуляк – дернется. И пошлет их подальше. Но они же охотники. Делать нечего – вот и гуляют. Да когда появились партизаны – худо пришлось охотникам. Постоялый двор и тот опустел. Сегодня убили жандарма, завтра партизана убили, вот тебе и Девятое сентября. Староста не был плохим человеком, но сказать тебе, Стоян, по правде, недалеким был. Русские на Дунае, в лесу полно партизан, а он идет по деревне и знай себе твердить: ”Здесь земля может стать турецкой, но русской – никогда!” А народ как вышел на площадь! Песни и гомон, собрания, митинги. А Стоян перед общиной крутит цепочку вокруг пальца. Его заперли на два дня, да потом отпустили. Да возьми лучше спрятайся где-нибудь, пока все не утихомирилось, а он перед дверью стоит и крутит цепочку. И вот те на - приходит Жеко! Я, говорит, комендант. Комендант деревни. Да какой же ты комендант? Я комендант, говорит, и точка. Этот Жечо был злым человеком. Учился на адвоката, да недоучился, весь мир ему виноват. Чтоб в тюрьме сидел – не сидел, чтоб в лесу прятался - не прятался. Выжидал, не высовывался. А пришло Девятое сентября – вдруг стал большим начальником.

ЛИЛЯНА. Жечо Жечев доносил полиции. Я это от отца слышала.

БУХЧЕВ. Ну да. Все убийцы из полиции. Ваших убийц не было.

НЕДКА. Этот Жечо умер очень старым. От рака.

БУХЧЕВ. Видишь? Почему его потом не ликвидировали, раз доносил?

ЛИЛЯНА. Не имели доказательств.

БУХЧЕВ. Ну да, они после Девятого только так работали. Без доказательств не трогали.

ЛИЛЯНА. Говорю то, что слышала.

БУХЧЕВ. Ерунда.

БАБУШКА БОНКА. Дождь все еще идет?

НЕДКА. Остановился на некоторое время, но опять пошел.

(Раскат грома.)

БАБУШКА БОНКА. Проклятая гроза! *(Пауза.)* Ой, матушки, идут – вот они! Вот – община. Стоян в комнате, где архив. Ой, матушки, Стоян, кто тебя так избил! Ой, матушки, какие у тебя подтеки – глаз не видно. Мой Радой тебя бил?... Не бил. Бочо тебя бил?... Не бил. А эти парни?... Ну-ну!... Да и ваши тоже били. Весной, помнишь, поставили громкоговоритель на крышу участка. Чтоб не было слышно на дворе, как арестованные кричат. Бьет их Георгий Хромой, бьет их и палкой, и резиновой дубинкой, бьет, останавливается, потом опять начинает. А ты перед общиной только цепочкой крутишь. Где сейчас Хромой? Еще Девятого сентября – девять пуль в голову... Вот – идет Жечо. Ой, матушки, берегись, Стоян! Матушки, как он разозлился! Не надо! Не трожь человека!... *(Держит себя за голову.)* Музыка играет, за сердце берет. Какой хоровод вьется на площади. Девки, парни, детишки, старики. А эта проклятая Василка, с постоялого двора, не захотела танцевать. Немножко потанцевала, чтоб у мужиков в штанах зашевелилось, и теперь только смотрит, смотрит и прихорашивается. Ну и стерва ты,

Василка! Тебе разве не приходит в голову, что Стоян умирать будет, вон там напротив, за стеной, в трех шагах от тебя. Сколько зайцев ты для него приготовила. Больше всего она нравится Жечо. Он все норовит пройти мимо нее. А она посмотрит на него, как на дохлую крысу. Вот он опять бежит наверх, вот он опять на лестнице, вот он опять в общине, вот он опять над Стояном. Не надо! Не трожь человека!..

НЕДКА. Он убьет его?

БАБУШКА БОНКА. А ты что, Радой? Почему не поможешь Стояну? Вот они – Радой и Бочо. Вот, запрягают двуколку. Поедут в город спросить, что им делать со Стояном. Запрягли, потом разпрягли. Теперь по телефону звонят. Что тебе сказали, Бочо? Почему так покраснелся, почему так вспотел? Что тебе сказали, Бочо!

ЛИЛЯНА. Ты про отца?

БАБУШКА БОНКА. Про отца. Ругает Радоя. По телефону ему сказали: фашиста не защищать, а то погорят все трое. Ругаются теперь с Радоем.

БУХЧЕВ. А с ним? А с ним что будет?

БАБУШКА БОНКА. Стоян!... Куда ты канул, Стоян?

4

ПЕТР (*шумно вторгается в бар*). Еб его мать, ну и дождь, все льет да льет.

БАБУШКА БОНКА. Все словно канули куда-то.

ПЕТР (*Недке*). У тебя что, нет приемника, чтоб послушать футбол?

НЕДКА. А ты не можешь входить полегче? Чего расшумелся!

ПЕТР. Причитает бабуля?

НЕДКА. Садись и молчи.

БАБУШКА БОНКА (*громко, с широко раскрытыми глазами*).

Франческа, это ты?...

БУХЧЕВ. Кто?

ЛИЛЯНА. Итальянка.

ПЕТР. Ну и сумасшедшая дура!

НЕДКА. Молчи, тебе говорят!

БАБУШКА БОНКА. Почему так долго пропадала? Зачем так – придешь, а молчишь?... Матушки, какая ты красивая! Одежда вся шелковая, траурная, что ли. Я такую одежду не видала. С каких ты времен, с каких лет? Что за человек был твой дядя, раз ты из-за него отправилась за тридевять земель в эту глухомань спрашивать и расспрашивать... Слышала, доченька, слышала, слышала я про того попа, который приходил сюда лет двести-триста тому назад обращать людей в другую какую-то веру. Папа, говорят, его сюда проводил. Папа из Италии. Значит, то был твой дядя. Говорят, на верблюде приходил. Говорят, да, наверное, врут. Что здесь верблюду делать-то? Что тебе в соседней деревне, в Камениште, поведали? Все здесь знают, что это они его убили, ибо поганые они люди. Сначала убили верблюда, а потом за ним погнались. Бежал он, бежал, бедняга, бежал, а они – за ним. Настигли его внизу, в ущелье, у Холодного колодца. Там его забили палками. Нужно было там цветы возложить. А где его могила, никто не знает... Так значит? Хорошо сделала... А теперь почему так побледнела, почему так побелела? Матушки, бедная девка!

БУХЧЕВ. Что происходит?

БАБУШКА БОНКА. Это кони ржут? Что это?... Вот телега. Да что это за телега такая? Колеса большие, сзади похожа на фаятон.

Матушки, да кто этот человек, он же на турка похож. Вот и

Франческа. А этот, рядом с ней, кто такой? Одежда давнишняя. Черная, как у Франчески. Идут со стороны Камениште. Вот Белые камни. Вот и скала. А что это за хижины, что за овчарня? Смотри сколько деревьев, таких деревьев там нету. Да это же Старый мост. Старый мост, да моста нету. Какой-то маленький мостик. Что это за всадники, матушки, они с ружьями. Матушки, да это же разбойники! Матушки святы, фаэтон идет. Матушки, они турка убить хотят! Матушки, как конь-то вздыбился! Матушки, как он спужался! Вот опять она – Франческа. Вот она – бежит через сугробы. А что случилось с другими? В этой одежде ей несподручно бежать. А разбойники? А тот человек? А турок?... Вот теперь какая-то кухня. По середине – низкий столик, на столике противень. Вот, садятся кушать. Господи, какие они бородатые, а женщины в одежде с тесемками и стеклянными бусами. Детишки их хворают – трое лежат под одеалом, еще одно – у столика. Старик перекрестился, а мужчина не ждет, кушает. Матушки, какой он огромный, какой ражий мужик, матушки! Петр, на тебя похож, на тебя, только в два раза крупнее и никогда не брился.

НЕДКА. Ну кто это? Что это за люди?

БАБУШКА БОНКА. Это Джамалы. Давнишние Джамалы. Мужчина Петр Джамал. Его жена – Джамалица. А деревня – наша Листница. Дом на краю деревни, у Монастырского родничка. Вчера кого-то хоронили, вчера, да и позавчера. Над крыльцом – черная тряпка. Матушки, садятся кушать. Матушки, да они на меня смотрят. Матушки, Петр, мне говорят... Женшина спрашивает о тебе... Да откуда вы про Петра знаете, раз такие давнишние?... Петр, что им ответить?

ПЕТР. Хватит, бабуля, а то разозлюсь!

БАБУШКА БОНКА. Какие страшные псы! Как бегут, как перепрыгивают через плетни и кусты... Вот она – стоит на дороге, вот прошла в ворота. Господи, какая она растрепанная. Господи, как она побелела, да такая она красивая в этой черной одежде на снегу.

ЛИЛЯНА. Опять Франческа?

БАБУШКА БОНКА. Не надо! Не кричи, Франческа! ...А она кричит, бедная. Впереди бегут собаки. За собаками – люди.

Джамалица – на крыльце. За ней бежит Джамал. Смотрят вниз и дрожат. Такой женщины они не видали. И красивая, и страшная. В черной, разорванной одежде... Да тот неладный старик, что сарай забыл запереть. Ведь в сарай вбежала бедняжка из-за проклятых собак. О муже, что ли, ты, Джамалица, испужалась, что такая женщина переступила ваш порог, или о ребятишках своих, почему на всю деревню завопила: “Бегите сюда, люди, бегите! Чума вошла в наш сарай!” Всех смелей один парень. Вытащил кол из плетня и запер им дверь. Ой, не надо, дура, не надо, не надо сарай поджигать!... Вот она – бежит с головней! Как горит, Господи, как трещит! Какое страшное пламя! Матушки, бедная Франческа! Матушки, бедная девушка! Пищит, пищит, бедняжка. Пищит, пищит, да вдруг замолкла. А на дворе прыгают и кричат: “Спалили ее, избавились! Спалили чуму!”

НЕДКА. Что с тобой? Баба Бонка!

БАБУШКА БОНКА (*держится обеими руками за голову, сильно наклонившись вперед*). Господи, почему мы такие темные?

НЕДКА. Не дай Бог с ней что-нибудь случится!

ЛИЛЯНА. Дайте ей попить.

ПЕТР. Здесь же был, здесь же был транзистор. Дай послушать какой счет.

НЕДКА. Да иди ты со своим футболом.

ПЕТР. Еб, опять придется заскочить туда. (*Выходит.*)

БАБУШКА БОНКА (*пьет воду, которую ей дала Недка*). Плохи дела.

НЕДКА. А мне все это очень интересно.

БАБУШКА БОНКА. Пусть не приходят больше. Пусть скроются куда-нибудь.

ЛИЛЯНА. И дождь перестал.

5

БАБУШКА БОНКА. Однажды утром, Лиляночка, собрались вот так, как сейчас. Все молодые вроде вас. Да и еще моложе. Сидим в школе. Отец твой – Бочо, Ганка, его первая жена. Мы с Радоем. Были и постарше. Один парень, Николай, что пошел добровольцем на фронт и погиб в Венгрии, а может, мы как раз его провожали тогда в школе, стоит у доски и тычет в карту. Пальцем. “Наши, говорит, вот здесь, вот докуда дошли. Первая болгарская армия. До Берлина осталась самая малость. Когда вернусь, чтоб вы начали уже эту самую новую жизнь.” А мы – рады-радехоньки, что новая жизнь начинается.

БУХЧЕВ. Идиотизм какой.

ЛИЛЯНА. Что?

БУХЧЕВ. Вступление Болгарии во Вторую мировую войну. Полный идиотизм.

ЛИЛЯНА. Почему так думаешь?

БУХЧЕВ. Потому что осенью сорок четвертого года уже все было решено. Поэтому.

ЛИЛЯНА. По этому вопросу есть и другие мнения. (*Бабушке Бонке.*)

А я хочу знать, почему поссорились отец с дядей Радоем. Из-за убийств в сентябре, когда пришли к власти. Из-за этого, бабушка?

БАБУШКА БОНКА. Нет, не из-за убийств.

ЛИЛЯНА. Я интересовалась этим и знаю, что в пятидесятые годы отец помог дяде Радоею не попасть в лагерь.

БАБУШКА БОНКА. То ли помог, то ли послал...

ЛИЛЯНА. Неправда! Неправда, бабушка! Неправда все это.

БАБУШКА БОНКА. В лагерь Радой не попал. Пошел работать на шахте, сам пошел, но не смог продержаться долго, потому что глаз потерял.

ЛИЛЯНА. Отца в эти годы здесь вообще не было.

БАБУШКА БОНКА. Отец твой – в России, учиться на начальника, а Радой – на шахте.

БУХЧЕВ (Лиляне). Как после этого им любить друг друга.

БАБУШКА БОНКА. Собрались в общине. Радой, Бочо – отец твой, этот парень, Николай, что пошел добровольцем на фронт, еще кто-то. Стали думать, что делать. Собрались в комнате Стояна, старосты. В то время Бочо, отец твой, по-моему уже был старостой. Стали думать, что делать. Там стояли сапоги Стояна. И тогда порешили: крови много пролилось. И с одной стороны, и с другой. Дадим кокому-нибудь бедняку сапоги Стояна. Ведь сапоги-то хорошие – пусть ходит бедолага. Все хорошо – да кого выбрать. Вся деревня бедняцкая. Один говорит – этому дадим, другой – тому. Не могли разобраться, оставили на завтра. Хорошо, но пришел праздник. Музыка, все, как положено, хоровод на площади. Иду я мимо хоровода, это мне Радой говорит, иду я, мать твою, и вдруг – еб твою мать, ну еб твою мать, говорю....

ЛИЛЯНА. Что случилось?

БАБУШКА БОНКА. Что случилось? Сапоги Стояна. Бочо, отец твой принарядился в сапогах Стояна. И танцует.

ЛИЛЯНА. Вот как!

БАБУШКА БОНКА. Вот так. Вот здесь, говорит, будто ножом меня срезало. В тридцать первом мне одно письмо дали. Письмо тайное – нужно передать в руки. Я триста километров пешком шел, отсюда аж до Пловдива, ибо пешком надежнее. У меня ноги натерлись, но от радости почти бежал. Потому что – когда победим!...А оно что вышло – сапоги Стояна.

(Пауза.)

БУХЧЕВ. Да-а-а-а.

НЕДКА. Такие вот дела.

ЛИЛЯНА. Так значит.

6

НЕДКА. Кирилл говорит, что видел грузовик. Там, где ваши участки, на Чумном. Двое, в синей одежде. Нагрузили сундук. Что делали неизвестно, но не видно чтоб кто-то копал. Он на другой день посмотрел, но, говорит, непохоже, что кто-нибудь копал. Почему бы вам не проверить!

БУХЧЕВ. Это вы мне говорите?

НЕДКА. С грузовиком, говорит, не прятались особенно. Да и от кого им прятаться, кто посмеет спросить с них. Кирилл смотрел издалека и вечером сказал старосте. Староста ему говорит – делай вид, что ничего не видел. Он ведь тоже боится. Они и в другой раз приезжали. Где ваши участки, на Чумном. И у Старого моста.

БУХЧЕВ. Понял. Кладоискатели.

НЕДКА (*кивает в сторону бабушки Бонки*). Все знает, да не хочет сказать. Бабушка, ну скажи.

ЛИЛЯНА. Стоян, нам пора.

НЕДКА. Этот человек, который про дедушкины деньги спрашивал, он про монастырское золото проведывал. Но она его вытурила.

БУХЧЕВ. Ну и что? Это там шныряют теперь кладоискатели?

НЕДКА. Где ваши участки, на Чумном. Там стоит большой камень. Очень большой.

БУХЧЕВ. Правда? И кто поставил этот камень?

ЛИЛЯНА. Стоян, у меня голова заболела. Больше не выдерживаю.

БУХЧЕВ. У тебя голова стала что-то очень чувствительной.

ЛИЛЯНА. Тебе не ясно, что ты становишься смешным?

БУХЧЕВ. На твоём месте я бы молчал. Я бы только молчал на твоём месте.

ЛИЛЯНА. Ты неспособен одному амбалу продаться, теперь золото будешь искать.

БУХЧЕВ. А ты научи меня лучше продаваться! Почему тебя не научить меня?

ЛИЛЯНА. Да кто тебя купит! Кому ты понадобился?

БУХЧЕВ. Я на твоём месте только молчал бы.

ЛИЛЯНА. Ты что-нибудь другое делал, кроме как молчать?

БУХЧЕВ. Тебе легко говорить.

ЛИЛЯНА (*у двери*). Я тебе сказала – у меня голова заболела. Ты идешь или не идешь?

БУХЧЕВ. Знаешь, что мне хочется засунуть тебе в голову?

ЛИЛЯНА. Ты даже выругаться не умеешь. (*Выходит.*)

БУХЧЕВ. Ну и нахалка!

БАБУШКА БОНКА. Уходите. Уходите. Уходите.

(Бухчев идет к двери.)

НЕДКА. А кофе?

БУХЧЕВ. А, да. *(Достает бумажник.)* Сколько?

НЕДКА. Как везде.

(Бухчев расплачивается. Выходит.)

7

НЕДКА. Чего побежали эти люди? *(Смотрит на улицу.)* Вот – тронулись.

БАБУШКА БОНКА. Теперь ругаются в машине.

НЕДКА. О чем ругаются?

БАБУШКА БОНКА. Не знаю.

НЕДКА. Не надо было рассказывать им про камень. Говорят, какой-то разбойник, Качамачко его звали, он в здешних местах разбойничал. Наверняка зарыл там что-нибудь.

БАБУШКА БОНКА. Ничего нету.

НЕДКА. Скажу Кириллу, чтоб завел машину, поедем вместе. Все тебе. Нам – сколько дашь.

БАБУШКА БОНКА. Ничего нету, Недка. Ничего нету, дорогая.

НЕДКА. Кирилл здоровый. Он копать будет. И я буду копать. Ты только будешь смотреть. И указывать.

БАБУШКА БОНКА. Убьет его эта окаянная женщина. *(Сидит с полузакрытыми глазами.)* Ну вот. Села за руль. Потому что он весь дрожит. Не может водить.

НЕДКА. Ты их видишь?

БАБУШКА БОНКА (*с рукой перед глазами*). И опять ссорятся...

Почему ты так, Лиляна, зачем это тебе? Ну, а ты, Стоян!

НЕДКА. Поедут они теперь в город. Купят какую-нибудь
штуковину. Теперь всякие компьютеры. И откопают. Бабушка, ну
скажи!

БАБУШКА БОНКА. Ничего нету.

НЕДКА. Что ты врешь – врешь, да зачем я с тобой вожусь, а не
закрываю. Если мой Кирилл воротится и не найдет чего пожрать,
обругает меня.

БАБУШКА БОНКА. А я козочку не загнала. Она уже научилась
сама открывать себе калитку, не припомню уж, закрыла я ее со
строны огорода, али нет. Там у меня два молодых деревца, загубит
их проказница. Что-то у меня разыгралось сердце, другой раз такого
не бывало. От чего это?

(Автомобильный гудок.)

НЕДКА. Вернулись!

БАБУШКА БОНКА. Не они. *(Пауза.)* Не они, Недка. Не они.

8

ЦЕПЬ (*в двери*). Куда подевались эти лохи?

НЕДКА. Если спрашиваете о тех двоих, они уехали.

ЦЕПЬ. Ты уверена?

НЕДКА. Уверена, конечно.

ЦЕПЬ. Иди проверь.

НЕДКА. Я их слышала.

ЦЕПЬ (*указывает на дверь*). Иди!

НЕДКА (*растерянно переступает через порог, почти не смотря на улицу*). И машины их нету.

ЦЕПЬ. Мне бабуля немножко погадает, а ты подожди во дворе.

НЕДКА. Это почему? Я не мешаю. Вот отойду немного.

ЦЕПЬ. Не трать мне время.

НЕДКА (*выходит*).

ЦЕПЬ. И подальше от двери! (*Закрывает за собой, подходит к бабушке Бонке, берет стул.*) Еду я, еду наверх к Охотничьей хижине, вдруг смотрю – машина гаишников. Потом другая. Народу собралось, гляжу – машина вверх колесами. Говорю себе – бабуля и вправду угадала.

БАБУШКА БОНКА. Так ему на роду было написано, этому турку, сынок, так ему было написано.

ЦЕПЬ. Только ты мне сказала, что он уже умер, а он умер потом. В карете скорой помощи.

БАБУШКА БОНКА. Не знаю. Может и так было. Не знаю.

ЦЕПЬ. А я то думал, что ты все знаешь.

БАБУШКА БОНКА. Тот белый пепел, что он тебе продает, в машине его не было, не волнуйся.

ЦЕПЬ. Не было, значит?

БАБУШКА БОНКА. Не было, не было. Не волнуйся... Да его же много, Цецо!

ЦЕПЬ. Много? Чего много?

БАБУШКА БОНКА. Не знаю. Ну, мне пора идти.

ЦЕПЬ. Иди. Ну, ты даешь, бабуля... Тебя Донкой звали?

БАБУШКА БОНКА. Бонка я.

ЦЕПЬ. Ну, ты даешь. Нужно тебе оффис соорудить, приемную, чтоб принимала здесь людей.

БАБУШКА БОНКА. Ничего мне не нужно.

ЦЕПЬ. Тебе может и не нужно, а вот людям нужно. Будут приходить сюда лечиться у тебя.

БАБУШКА БОНКА. Буду их на кладбище лечить. Мое место уже там.

9

ПЕТР (*появляется на пороге*). Недка сказала, чтоб я не входил.

ЦЕПЬ. Почему тогдаходишь?

ПЕТР. Может я выйду, господин Цепов.

ЦЕПЬ. Ну-ка, иди сюда.

(Бабушка Бонка выходит.)

ЦЕПЬ. Почему я тебя выгнал два года тому назад?

ПЕТР. Я тогда шальное виски выпил. Дерьмо какое-то, еб его мать. И меня очень быстро свалило.

ЦЕПЬ. Не в этом было дело. За что я тебя вышвырнул?

ПЕТР. Когда колотили этого, из банка. Не справились как следует с задачей.

ЦЕПЬ. Вот именно. Больше всего ненавижу недобитых, недоебанных. Знаешь ведь?

ПЕТР. Знаю.

ЦЕПЬ. Завтра присылаю сюда Обезьяну. Хочу от вас ювелирного дела.

ПЕТР. Кого?

ЦЕПЬ (*указывает на дверь*).

ПЕТР. Неду, что ли?

ЦЕПЬ (*делает отрицательный знак пальцем*).

ПЕТР. Этих, что уехали на Мерсе?

ЦЕПЬ (*опять отрицательный знак пальцем*).

ПЕТР. Бабулю, что ли?

ЦЕПЬ. Тихо!

ПЕТР. Зачем мне Обезьяна? Дело простое.

ЦЕПЬ. Будешь выполнять приказы Обезьяны. Если оставите след – оба покойники. Прощения не будет.

ПЕТР. Сообразим что-нибудь, не беспокойся.

ЦЕПЬ. И не думай соображать. Только не думай соображать!

Будешь выполнять приказы Обезьяны. Не зашла ли речь здесь о каком-то нужнике?

ПЕТР. А что? Ссать захотелось?

ЦЕПЬ. Убью, дурак! Убью!

ПЕТР. Усек! Их два, есть и у соседей.

ЦЕПЬ. И она ходит там? Ты ведь так сказал?

ПЕТР. А что ей не ходить. Ее дело. Там сподручнее.

ЦЕПЬ. Сподручнее?

ПЕТР. Нужник ветхий. С досками.

ЦЕПЬ. Это я понял.

ПЕТР. Доски сгнили. А теперь и от дождя переполнился. Он и от дождя наполняется.

ЦЕПЬ (*идет к двери*). Будешь выполнять приказы Обезьяны.

ПЕТР. Будет сделано, Цепь.

ЦЕПЬ. Я тебе не Цепь.

ПЕТР. Прости.

10

ЦЕПЬ (*у двери*). Где вы, мадам? Я у тебя кассу обчистил.

НЕДКА (*с наружной стороны*). Раз на этом разбогатеете...

(Петр выходит за Цепью. Входит Недка. Открывает кассу. Входит Петр.)

НЕДКА. Петр, ты мне те десять левов вернул?

ПЕТР. А как же, конечно, вернул.

НЕДКА. Ну и паскуда же ты.

ПЕТР. Кто, я?

НЕДКА. Да ты, конечно.

ПЕТР. Неда!

НЕДКА. Что “Неда”?

ПЕТР. Врежу я тебя его.

НЕДКА. Да хватит.

ПЕТР. Врежу я тебя его – другого выхода нет.

К О Н Е Ц